

Последний, или Василеостровский, вариант

В 1715 г., перед поездкой за границу, Петр решил, не без колебаний, остановиться на василеостровском варианте строительства нового города. Осенью 1715 г. он тщательно осмотрел Васильевский остров, провел там замеры

---

⁹ *Иогансен М. В.* К вопросу об авторе Генерального плана... С. 58.

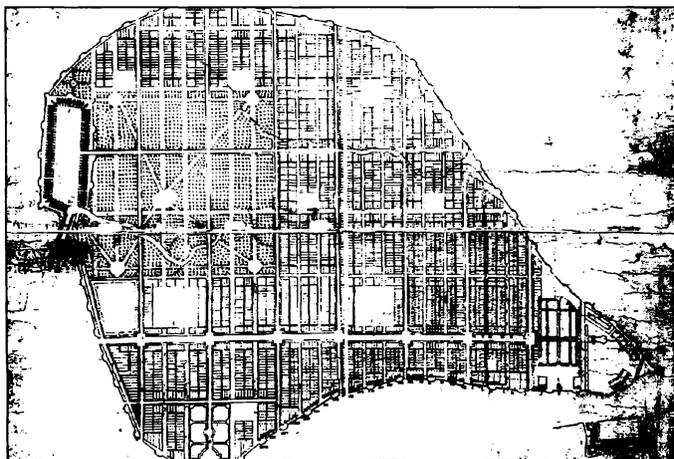
¹⁰ *Хавен П.* Путешествие в Россию // *Беспярых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 355.

и распорядился о принципах его застройки. Иностранец, издавший в 1718 г. книгу о России, писал по поводу этого проекта: Петр «решил, что здесь должен быть регулярный город Петербург, застроенный в строгом порядке. Для этого он повелел сделать различные чертежи (проекты) нового города, считаясь с местностью острова, пока один из них, соответствовавший его замыслу, ему не понравился; он его апробировал и утвердил подписью.

Следовательно, проект сохранит свою силу и в будущем, и новый город будут строить по этому чертежу. На нем обозначены как улицы и каналы, так и места застройки домов». В 1716 г. их разметили кольями и был издан указ, чтобы люди немедленно начали «по чертежу» строить дома и в них поселяться. Под страхом сурового наказания царь предписал боярам не только число домов, которые они должны построить, но «также их материалы и форму, участки для строительства, предписал ширину и длину улиц, род камней для мощения, глубину и ширину каналов, которые надлежало прорыть посреди большинства улиц по голландскому образцу».¹¹

Речь идет, по-видимому, о плане застройки Васильевского острова, составленном Доменико Трезини и подписанном царем перед отъездом за границу 1 января 1716 г. Во Франции Петр нанял знаменитого французского архитектора Ж. Б. А. Леблона, согласие которого пойти на русскую службу царь почитал за честь для России. Петр поставил перед Леблоном сложную градостроительную задачу: по фиксационному плану Трезини и, возможно, по видовым гравюрам А. Ф. Зубова «сочинить» план новой столицы с центром на Васильевском острове.

Петр предполагал позже совместить уже утвержденный им перед отъездом василеостровский проект Трезини с проектом Леблона, который тот

План Васильевского острова. Д. Трезини. 1726

¹¹ «Описание... столичного города С.-Петербурга» // Белые ночи. Л., 1975. С. 222—223.

завершил к началу 1717 г.¹² Образцом для подражания Петр, как нетрудно догадаться, снова выбрал Амстердам. Позже царь потребовал, чтобы «все каналы и по бокам их улицы дабы шириною были против Эреграхта (главного канала. — Е. А.) Амстердамского».¹³ Это распоряжение кажется теперь непонятным. Буквальное толкование указа означает, что все каналы в Петербурге (прежде всего на Васильевском острове) должны были быть шириной с самый большой амстердамский канал. Конечно, такую египетскую работу в России, не жалея людей и денег, совершить можно было, но все же здравый смысл должен был протестовать против этой фантастической затеи. Указ этот, естественно, не был осуществлен.

Отступление

Амстердам — город мечты

Гуляя по Амстердаму, вдоль его нарядных улиц и набережных каналов, нельзя не поразиться архитектурному своеобразию этого города. Плотно прижавшись друг к другу, стоят дома: узкие — в два-три окна (ведь налог с домовладельцев зависел от ширины фасада!), высокие — в четыре-пять этажей, потемневшие от времени, но со сверкающими ослепительной белизной наличниками. Почти все они чуть-чуть наклоняют вперед свое «чело» — конек, на котором укреплена толстая балка. Так нужно, чтобы с помощью блоков через балку можно было поднимать на верхние этажи и чердаки-склады ящики, бочки, кули — словом, всякий груз, которым богатела купеческая Голландия.

Высота у амстердамских домов самая разная, причем три этажа одного дома бывают выше, чем пять у соседнего с ним. Дома стоят ровно в ряд, но это не строй солдат, поставленных по ранжиру. Это ряд бургеров, разного достатка и возраста. Один — длинный, сухопарый, богатый, в дорогой «шапке»: его фронтоны украшены волутами — каменными завитками и волнами. Рядом — другой бургер, низенький, победнее первого, в простом «колпаке», но он тоже гражданин великого купеческого города, ему присуще достоинство и уверенность честного труженика. А вот стоит пузатый дом-купчина, плотно прикрывший окованными железом ставнями двери и окна своего склада от чужого завистливого глаза — мало ли что хозяин привез из Батавии или Кюрасао!

Фронтоны амстердамских домов такие разные, что при виде их глаза разбегаются, но, присмотревшись, можно угадать в них некую систему: все фронтоны, навершия, при всем разнообразии их форм и украшений, относятся к одному из трех типов: «лестница», «колокол» или «шея». Посмотрев на первые этажи домов, заметишь, что все главные двери выкрашены в один и тот же цвет темной зелени — знаменитый «старо-

¹² Иогансен М. В. К вопросу об авторе Генерального плана... С. 142.

¹³ ПСЗ. Т. 7. № 4469.

голландский» (мы его видим еще на картинах «малых голландцев») — так строго предписывает закон. Нужно, чтобы почтальоны, пожарные и полицейские безошибочно находили среди прочих настоящую входную дверь. Эх, как бы и нам так совместить свободу и порядок, разнообразие и регулярность! Вот о чем, вероятно, думал петербургский мечтатель, гуляя по набережным-улицам Амстердама в свой приезд сюда в 1716 г.

Не получилось! Как тут не вспомнить слова В. О. Ключевского о том, что Петр «надеялся грозю власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная».¹⁴

Одобрил царь и леблонский проект образцового дома для богатых — «именитых». Правда, при этом он приказал уменьшить окна, «понеже у нас не французский климат»¹⁵, что, увы, совершенно верно. Впоследствии проект Леблona казался многим весьма утопичным, надуманным, хотя признанный современниками талант крупнейшего теоретика архитектуры отрицать никто не брался. В 1970 г. Л. М. Тверской попытался взглянуть на план Леблona глазами непредвзятого историка архитектуры. Он увидел в проекте много интересных идей, которые, к сожалению, не были реализованы при последующей застройке Васильевского острова. План Леблona был очень продуманным и целесообразным. Архитектор сознательно не подчинил застройку овальной конфигурации оборонительных стен и тем самым дал возможность городу в будущем развиваться достаточно свободно.

Леблон ввел деление застройки на своеобразные микрорайоны, композиционные группы. Центром должен был стать царский дворец, от него во все стороны Васильевского острова расходились широкие лучи главных улиц, четыре церкви укршали перекрестки. Площадь размером в одну квадратную версту, дворцовый сад, административные здания и жилые кварталы — все это было органично связано магистралями и придавало законченность центру, где стояли самые высокие здания.¹⁶

Позже, по возвращении в Петербург в 1717 г., царь вместе с архитекторами тщательно обследовал Васильевский остров и уже существовавшую там застройку. Очевидно, в первоначальный план Леблona были при этом внесены исправления, центр нового города решили «подтянуть» поближе к Стрелке. После этого Петр приказал строить на острове форти-

¹⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. в 9 т. Т. 4. М., 1990. С. 221.

¹⁵ Иогансен М. В. К вопросу об авторе Генерального плана... С. 143.

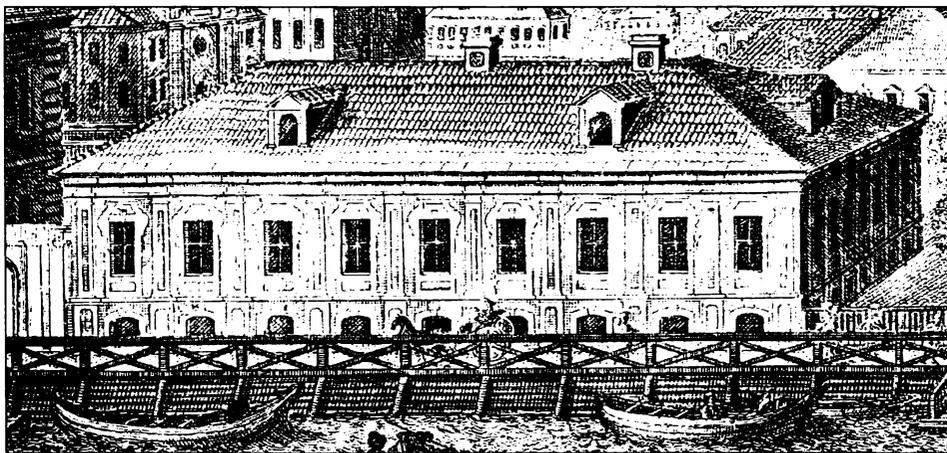
¹⁶ Тверской Л. М. Наследие Александра Леблona и проблемы современного градостроительства // Труды Института живописи, скульптуры, архитектуры имени И. Е. Репина Академии художеств. Архитектура. Л., 1970. Вып. 2. С. 12—26.

фикационные сооружения. Они были задуманы Леблоном по всему периметру и очень походили на амстердамские бастионы.

Портрет на фоне города

Архитектор Леблон, или Смерть посреди блестящего поприща

Когда в Париже в 1679 г. в семье художника и скульптора, члена Академии живописи Леблона родился мальчик, никто не мог бы предугадать, что он будет строить Петербург. Мальчик рано проявил несомненный и яркий талант, в блестящее царствование Людовика XIV он стал одним из лучших архитекторов. Книга Леблона о том, как создавать парки, прославил его — это сочинение переиздавали многократно во многих странах мира. Но особенно хорошо удавались зодчему жилые здания — дворцы, дома богатых. Они были уютны и пригодны для жизни. Он придумал уютную нишу в спальне для кровати, что было по тем временам необыкновенно смело и ново. Вместо неудобных стульев ввел столь знакомую нам софу. И уж совершенной новинкой были придуманные Леблоном туалеты с выгребной ямой — зловонное ночное судно, которое выносили слуги из покоев, кануло в прошлое. Словом, Леблон был славным архитектором, и Петр, который в 1716 г. отправился в путешествие за границу, решил нанять его для строительства Петербурга. Польстившись на большие деньги, даровую квартиру, необычайный чин «генерал-архитекта» и грандиозные возможности, которые перед ним открывались на берегах Невы, Леблон поехал в Россию.

Дом Леблона на Невском проспекте.

Фрагмент гравюры «Проспект Невской перспективной дороги от Адмиралтейских триумфальных ворот». Г. А. Качалов. 1750—1753

В Петербурге французский архитектор сразу взял все дело строительства в свои руки. Он работал непрерывно, напряженно и плодотворно: составил генеральный план города, учил молодых архитекторов и мастеров, создавал проекты парков и дворцов. Решительный и резкий, он забрал все, что делали до него Д. Трезини, Б. К. Растрелли и другие архитекторы, и этим сразу же нажил себе массу врагов. Особенно невзлюбил блестящего Леблона Бартоломео Карло Растрелли, который сам только что приехал из Парижа в Петербург, но тут оказалось, что его опередил притккий Леблон. Генерал-губернатор А. Д. Меншиков держал сторону Растрелли, и недаром — сразу же по приезде тот предложил светлейшему создать его скульптурный портрет. А пока тщеславный вельможа позировал, Растрелли вел с ним дружеские беседы. Леблон же, не замечая интриг, трудился не покладая рук.

В 1718 г. неожиданно, как пишут во всех его биографиях, гениальный архитектор в расцвете сил и таланта заболел и 27 февраля 1719 г. умер. О причинах болезни прежде энергичного, здорового Леблона ничего не известно. Есть только темные, глухие слухи. Историки архитектуры обходят эти слухи стороной. Согласно одной из легенд, Меншиков, завидовавший таланту Леблона (неприятное отношение светлейшего к великому французскому архитектору подтверждается документально), как-то раз оболгал его перед царем: сказал, что генерал-архитект якобы приказал вырубить с таким трудом возвращенные Петром в Петергофе деревья. Разъяренный царь внезапно приехал в Петергоф, жестоко оскорбил Леблona и даже ударил его палкой. Леблон был так потрясен происшедшим, что слег в горячке. Спустя некоторое время Петр разобрался, в чем дело, и страшно избил Меншикова за ложный донос на француза. К Леблону же царь послал человека с извинениями и уверениями в своей неизменной к нему милости. Но, пораженный этими невиданными для свободного человека оскорблениями, Леблон уже не поднялся с постели — он умер от унижения и позора. То ли дело Меншиков — вытер кровь и сопли кружевным брюссельским галстуком, почесал бока, да и пошел по делам — эка невидаль, барин холопа побил, ведь не убил же! 3 марта 1719 г. по челобитной вдовы Леблona Марии Левен Городовая канцелярия постановила: «Велено для погребения ево, Леблонда, в зачет ево жалованья выдать двести рублей», а в мае 1721 г. «Леблондшу» отпустили во Францию.

Работа по плану Леблona шла и после смерти архитектора в 1719 г. Все дело вел Доменико Трезини под личным контролем самого Петра.¹⁷ Команды геодезистов «у размеривания Васильевского острова» с участием пленных шведов работали и в 1719 г., и позже.¹⁸ Ноябрем 1724 г. дати-

¹⁷ Подробнее см.: Иогансен М. В. Работы Доменико Трезини по планировке и застройке Стрелки Васильевского острова в Петербурге // Русское искусство XVIII века. М., 1973. С. 47—51.

¹⁸ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 5г. Л. 836.

рован документ, в котором сказано, что на Васильевском острове есть чертежная мастерская со «светлицей, в которой делают столяры мадел[ь] всего Васильевского острова с строением». ¹⁹ Известно, что модельная мастерская находилась в бывшем доме Леблона. ²⁰ Возможно, в документе 1724 г. именно о ней и идет речь. До нас дошел и отчет за начало 1725 г. о поставке дров в разные конторы Канцелярии от строений. В документе сказано: «На Васильевском острове... В светлице 1 печь, а в ней при работе обретается у дела модели коллегиям и Васильевского острова и Санкт-Питер-Бургской фортеции столяров и рещиков 8». ²¹

Планы Петра по благоустройству Васильевского острова, судя по модели будущей стройки, были величественны. А. И. Богданов писал, что Васильевский остров Петр хотел «наибогачейшим строением населить и украсить, как деревянным, так и каменным, и каналами устроить и фартецию укрепить, наподобие Амстердама, что всему тому обстоятельный план и модель зделанная имеется, по которому плану все строение на сем острове и производится». ²² Однако осуществить эти планы из-за смерти Леблона, грандиозности всей затеи, недостатка времени, часто менявшихся взглядов Петра, наконец, из-за его смерти в 1725 г. не удалось. А жаль! Может быть, Васильевский остров был бы действительно похож на Амстердам!